ние этой книги вышло в 1943 г., 2-е, в значительной степени дополненное новыми данными,— в 1954 г. Книга содержит большой фактический материал, в значительной степени собранный самим автором. В 10 разделах книги последовательно описаны типы поселений, крестьянские постройки, утварь, мебель, художественные ремесла. Большое место уделено традиционным ремеслам (производство игрушек, искусственных цветов, резьба по дереву и т. д.), издавна распространенным среди горняков Рудных гор. Книга богато иллюстрирована (262 илл. в тексте).

Steinitz, Wolfgang. *Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten.* Bd. I, Berlin, 1954 (Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Volkskunde an der Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Bd. 4/1).

Сборник содержит 183 песни, значительная часть которых опубликована впервые. Тематически сборник посвящен песням трудового народа с демократической направленностью. В предыдущих изданиях народных песен эта тематика почти не нашла отражения. В сборнике выделено 5 групп песен: к 1-й принадлежат песни крестьян XV—XIX вв., ко 2-й — песни ремесленников, в 3-й представлены песни рабочих (в основном XIX в.), в 4-й — солдатские песни, в 5-й — песни трудового народа за 1789—1945 гг. Почти все песни даются в нескольких вариантах. В примечании имеются ценные данные о времени возникновения и истории песен, соотношении различных вариантов. Тексты песен даются в сопровождении музыкальных мелодий.

«*Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz*». Hrsg. v. L. Haupt und J. E. Schmaler. Mit einem Vorwort v. Prof. Dr. Steinitz. Berlin. 1953. 748 стр. (Veröffentlichungen der Kommission für Volkskunde an der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Bd. 3).

Сборник содержит 331 верхнелужицкую и 200 нижнелужицких песен. Большая часть их опубликована впервые. Тексты песен даны на лужицком языке с точным сохранением местных особенностей; рядом с лужицким текстом дается его немецкий перевод. В книге имеются также образцы мелодий. Сбор лужицких песен начался с 30-х гг. XIX в., инициатива в этом принадлежала Верхнелужицкому научному обществу и его секретарю Л. Гаупту. Большой вклад в эту работу внес крупный лужицкий ученый и общественный деятель — Смоляр (в немецкой транскрипции — Шмалер). Еще в студенческие годы он, путешествуя по Лужице, собрал 474 песни, записав их мелодии.

«*Württembergisches Jahrbuch für Volkskunde*». Hrsg. v. der Württembergischen Landesstelle für Volkskunde in Stuttgart, 1955. 204 стр.

Вюртембергский ежегодник этнографии, 1-й выпуск которого появился в 1955 г., издается Вюртембергским Бюро этнографии совместно с Швабским краеведческим обществом. Основная его задача, как это говорится во введении,— «привлечь этнографов в широком смысле слова, которые по рождению, местожительству или роду работы связаны с Вюртембергом». В открывающей сборник статье Хельмута Дёлькера говорится о состоянии и задачах этнографии в Вюртемберге, о необходимости продолжения краеведческой этнографической работы. Среди основных задач этнографии автор статьи называет изучение современного быта как сельского, так и городского населения. Из девяти остальных статей только одна — по материальной культуре (жилище), остальные посвящены отдельным вопросам духовной культуры (рождественские игры, танцы и игры на маслянице по церковным актам XVII—XVIII вв. и т. д.). Приложен обзор местных этнографических публикаций за 1945—1953 гг.

Н. М. Листова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Kaj Birket-Smith, *The Chugach Eskimo.* København, 1953, 261 стр.

В рецензируемой книге описываются эскимосы-чугачи Южной Аляски и исследуется формирование их культуры. В 1933 г. Биркет-Смит вместе с Фредерикой де Лагуна был у чугачей и собрал значительный этнографический материал. Позднее он изучил этнографические коллекции по чугачам, хранящиеся в берлинском Музее народоведения.

Ко времени экспедиции Биркет-Смита на Аляску самобытная культура чугачей под влиянием американской культуры в основном уже ушла в прошлое. Биркет-Смит собирал данные о их культуре преимущественно от стариков-информаторов, и в его книге отражена главным образом старая, а не современная культура чугачей. Некоторые сведения о современной культуре и современном положении чугачей он, правда, сообщает. Территория расселения чугачей входила в состав Русской Америки, поэтому весьма интересно, что в книге показаны некоторые черты русского влияния, сохраняющиеся в культуре и языке чугачей.

Бóльшая часть книги (10 глав из 11) представляет собой детальное описание хозяйства, материальной и духовной культуры и в меньшей степени социальной организации этой группы эскимосов, дополняющееся множеством фотографий. Не разбирая

детально эти главы, остановимся лишь на некоторых элементах культуры чугачей, не встречающихся у эскимосов других районов.

У чугачей были трехлючные байдарки. Одна такая байдарка употреблялась еще во время экспедиции Биркет-Смита. По-видимому, трехлючные байдарки у чугачей, как и у алеутов, явились результатом русского влияния, ими пользовались русские служилые люди. Кроме кожаных лодок были у чугачей и долбленки. Жилища чугачей также отличались от обычных эскимосских жилищ. Так как чугачи живут в лесном районе, они строили деревянные дома.

Глава о социальной организации, на наш взгляд, менее удачна, чем главы о хозяйстве и материальной культуре, хотя она также содержит интересные данные.

Как и в других своих работах, Биркет-Смит утверждает, что основной общественной единицей у эскимосов, в том числе и у чугачей, была малая семья. В этом с ним нельзя согласиться. Описания эскимосских общин, составленные Биркет-Смитом и другими авторами, в частности — характеристика деревенской общины чугачей, содержащаяся в рецензируемой книге, показывают, что малая семья и в производстве, и в общественной жизни выступала обычно не самостоятельно, а в составе общины, и что, следовательно, важнейшей общественной единицей у чугачей являлась не малая семья, а соседская община. Эта община имела свои рыболовные и охотничьи угодья. Напротив, «семейных территорий» не было. Все мясо, добытое членами общины, было общей собственностью и делилось поровну между односельчанами.

Большой интерес имеют собранные Биркет-Смитом данные, свидетельствующие, по нашему мнению, о значительных пережитках материнского рода в общине чугачей. Когда юноша решал жениться, его мать или дядя по матери (и лишь в крайнем случае отец) договаривались о браке с матерью (а не отцом) девушки. Согласие последней на брак также требовалось. Сначала молодожены жили в селении жены и только спустя некоторое время переселялись в селение мужа. Женщине принадлежали дом и умиак, хотя тот и другой строили мужчины. Во время военных походов, которые предпринимались на умиаке, рулевым был муж женщины, владевшей им. По сообщению информаторов Биркет-Смита, дети сестры могли отбирать вещи у детей ее брата и заставлять их работать на себя. Несомненно, что этот обычай связан с существовавшим у чугачей авункулатом.

Заслуживает внимания и раздел этой главы, посвященный вопросу о мужских союзах. Биркет-Смит ссылается на мнение М. Лантис о существовании мужских союзов у эскимосов Кадьяка и Нунивака, а также у алеутов и высказывает, правда, в очень осторожной форме, предположение о том, что такие союзы были и у чугачей. В обоснование этого предположения он приводит некоторые весьма любопытные, хотя и сбивчивые сообщения своих информаторов. Если сопоставить данные, собранные по этому поводу Биркет-Смитом, со сведениями о мужских домах у эскимосов Русской Америки, содержащимися в работе русского путешественника первой половины XIX в. Л. А. Загоскина, то можно, нам кажется, положительно ответить на поставленный Биркет-Смитом вопрос о существовании у чугачей мужских союзов.

К сожалению, автор не пытается связать упомянутые выше институты (авункулат, мужские союзы и т. д.) с развитием самого общества чугачей и сводит вопрос об их происхождении к вопросу о том, откуда они заимствованы. Например, авункулат он считает заимствованным от индейцев северо-западного побережья только потому, что у последних также есть этот обычай. Как показали работы советских исследователей, в особенности М. О. Косвена, авункулат связан с определенным этапом в развитии общественной организации, а именно с периодом разложения материнского рода. Он является таким образом явлением стадиального порядка, и возможность его механического заимствования совершенно исключена.

Биркет-Смит приводит интересные данные о различении чугачами параллельных и кросс-кузенов, о бытовании в прошлом обычая кросс-кузенных браков и запрете брака параллельных кузенов, наконец, о браке группы братьев с группой сестер, но теоретические взгляды автора на развитие норм брака мешают ему интерпретировать собранный им интересный материал. Особенно ярко это проявляется в вопросе о групповом браке. Групповой брак Брикет-Смит понимает только в смысле промискуитета и совершенно голословно отвергает мнение Штернберга о существовании у алеутов и тихоокеанских эскимосов группового брака нескольких братьев с несколькими сестрами. При этом Биркет-Смит приходит в противоречие со своим же материалом, и ему приходится объявить обнаруженную им у чугачей форму брака (группы братьев с группой сестер) «весьма частным случаем, которому мы не можем придавать общего значения» (стр. 83).

Сведения Биркет-Смита о нормах собственности, положении женщины, нормах брака, мужских союзах подтверждают высказанное нами ранее предположение о большем сохранении у эскимосов западного побережья Америки пережитков материнского рода по сравнению с центральными и гренландскими эскимосами [1].

В главе, посвященной фольклору, Биркет-Смит приводит несколько десятков мифов, записанных им у чугачей. Мифология чугачей представляет особенный интерес

---

[1] См. Л. Файнберг, К вопросу о родовом строе у эскимосов, «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 98—99.

для изучения связей между фольклором эскимосов и индейцев северо-западного побережья Америки.

Особое место в книге занимает последняя глава, в которой дается генетический анализ культуры чугачей. Она начинается с изложения общих взглядов автора на генезис эскимосской культуры. Эти взгляды многократно подвергались критике как в советской, так и в зарубежной литературе, поэтому нецелесообразно разбирать их еще раз. После этого введения Биркет-Смит рассматривает культуру чугачей по элементам, которые он объединяет в несколько групп, а именно: палеоэскимосские, неоэскимосские, циркумполярные, тихоокеанские, северо-западные и наконец местные, неизвестного и европейского происхождения. Анализ всех этих элементов носит схематический и формальный характер. Он сводится к решению вопроса о том, откуда пришел данный элемент в культуру чугачей. Решается этот вопрос путем установления внешнего, иногда весьма поверхностного сходства между отдельными элементами в культуре чугачей и соответствующими элементами какой-либо другой культуры. Например, обрядовое очищение дымом и любовная магия объявляется чуждыми эскимосам типично индейскими чертами, хотя та же любовная магия есть почти у всех народов земного шара. Существовавшее у чугачей избегание свекрови объявляется заимствованным от индейцев северо-западного побережья. Так же автор поступает и с элементами материальной культуры чугачей. На основании типологического сходства он определяет, откуда они пришли к чугачам. Культура чугачей предстает в результате этого анализа, как безликое механическое соединение осколков многих культур. А ведь это совсем не так. Из описательной части книги Биркет-Смита видно, что культура чугачей имеет свое лицо, хотя это не исключает, конечно, наличия в ней и заимствованных элементов.

Основная ценность книги Биркет-Смита в ее описательной части. Автор собрал большой материал о малоизученной ранее группе эскимосов и с большим мастерством его изложил. Напротив, интерпретация этого материала не представляется достаточно убедительной, хотя по частным вопросам высказывается много интересных соображений.

Л. Файнберг